

Медсестра рассмеялась от его преувеличенного сравнения, взяла палочками гриб шиитакэ и откусила — свежий, сладкий, нежный и гладкий.

— Кто же такой извращенец, чтобы тренировать язык...

— Тсс! — Чжоу Тан приложил палочки ко рту и таинственно сказал:

— Некоторые люди просто такие скучные, заставляют детей тренироваться по несколько часов в день, есть...

Медсестра без слов повернула голову и посмотрела вверх...

Конечно, медсестра ничего не могла увидеть, всё-таки коридор отделял, да и дверь была закрыта. За дверью Мо Фэй сидел на краю кровати, поправляя угол одеяла для Ша Ли. Рукав на его руке, лежавшей поверх одеяла, был закатан до плечевого сустава. На коже руки были видны красные круги, и по сравнению с окружающей тонкой белой кожей можно было заметить некоторую разницу.

Позавчера вечером Тань Ци позвонил и попросил его забрать одного человека. Когда он приехал, Ша Ли стоял на стойке бара, вопя и рыча, высокопарно называя это возвращением короля эстрады.

Тань Ци, наслаждаясь зрелищем, стоял, скрестив руки на диване в зале, наблюдая, как маленькие модели в париках размахивают ими, покачиваясь из стороны в сторону и виляя головами.

Позор...

Мо Фэй подошёл, снял его оттуда и, взяв за запястье, стал уговаривать идти домой. Парень, словно охваченный духом коалы, обвил его шею руками и повис!

— Не дури, Ша Ли!

— Что за дурости, что ты хочешь устроить? — спросил Ша Ли, с вонью пива изо рта прикусив Мо Фэя за подбородок, — Мо Фэй, ради такой искренности, истинности и сердечности, сжался же надо мной!

Мо Фэй всё ещё с хорошими манерами похлопал его:

— Пошли, пошли, поговорим дома!

— Я отказываюсь, я не пойду, NO, — Ша Ли отпустил шею другого и вновь взобрался на стойку бара, его тонкие ножки топали с неистовой силой, а упругие ягодичные мышцы тряслись, словно высококлассный plus-версия маленького электродвигателя.

— Вау... — Даже обычно спокойный Тань Ци, наблюдавший за представлением, не удержался и громко свистнул.

— Как он это делает? Насколько же это возбуждает?

— Даже не думай, он чистый ноль! — Мо Фэй холодно бросил на него взгляд и пошёл хватать Ша Ли за лодыжку.

Такое движение было уже несколько опасным, если потянуть неудачно, то как у Ша Ли —

шлёп...

Он прямо свалился за стойку бара...

— Ша Ли! — Мо Фэй, обойдя стойку, зашёл внутрь, чтобы поднять его. Поднятый маленький модельер смотрел двумя глазами, излучающими зелёный свет.

— Дан-дан-дан-дан...

Ша Ли поднял нащупанную в руке кучу всякой всячины и, вытаскивая по одной, стал представлять:

— Это кляп, это ошейник, это маленький кожаный кнут...

Мо Фэй потащил его наружу, эти мелочи всё ещё болтались в его руке:

— Аната, разве ты не хочешь попробовать?

— Не хочу, пошли домой...

— Но, на словах отказываешься, но твоё тело говорит правду...

Откуда только такие пошлые реплики берутся!

Ша Ли прильнул, его руки стали непослушными:

— Хозяин, не уходи, сжался над своей рабыней... Меня подмешала та стерва, суперпошное, невыразимое, заставляющее всё тело гореть снадобье... Господин, ты не можешь не спасти от верной смерти...

— Этот живчик, как ты решился его привести обратно? — Тань Ци, подавляя смех, поднялся и направился за стойку, достал ещё ряд свечей, зажгёт одну и принёс, — Смотри, разве это не ещё более возбуждающе?

— Ты с ним ещё и сумасшедшим прикидываешься? — Мо Фэй одним движением сбил эту свечу и, взяв Ша Ли, повёл его наверх, в дом Тань Ци...

— Старина Мо, ты что делаешь?

Мо Фэй уже открыл дверь наверху и холодно, с отвращением произнёс:

— Заночую...

Ша Ли в полудрёме искал еду, искал, искал, споткнулся на травяном газоне и проснулся.

Как раз в тот момент Мо Фэй убирал его тонкую ручку под простыню, пальцы случайно зацепили несколько тёплых и длинных пальцев, другой слегка замер, повернул голову, чтобы посмотреть на него, но глаза всё ещё были закрыты.

— Проснулся? — спросил Мо Фэй, оставив пальцы в захвате Ша Ли, поднял взгляд и мельком глянул на капельницу, висящую у изголовья кровати.

Ша Ли всё ещё закрывал глаза, дыхание было слабым, выражение лица безмятое, можно было сказать, что он просто притворялся мёртвым.

Прошёл месяц. Мо Фэй не пропустил ни одного рабочего дня, за это время съездил в Страну Клёнов, на два дня и одну ночь. Самым ранним возвращением был день, когда он приехал в половине шестого вечера.

Таких моментов, проведённых вместе днём, как сейчас, не было ни разу. Снаружи постепенно поднимался осенний ветер, лёгкий бриз дул из рощи за жилым комплексом, окно второго этажа выходило прямо на ту зелень, солнце светило на листья, от дуновения отсветы на листьях шелестели и двигались, так красиво и тихо.

— Мо Фэй, — Ша Ли всё ещё не открывал глаз, голос был мягким, словно он жевал зефир, — Почему у тебя такие длинные пальцы?

Мо Фэй осторожно потянул руку, но маленький нахал, казалось, специально сопротивлялся, крепко сжимая:

— Дай мне ещё немного подержать, только что во сне ты убежал, я глаза себе чуть не выжег солнцем, но так и не нашёл тебя.

Мо Фэй взглянул на свой телефон, лежащий у изголовья кровати.

— Почему у меня так болят глаза, а?

— Слишком долго сидел за компьютером! — закончив говорить, Мо Фэй поправил галстук на шее, позволил ему держать свои пальцы и больше не пытался выдернуть.

Услышав его легкомысленный тон, Ша Ли внутренне напрягся ещё больше:

— Нет, однажды я просидел трое суток без сна, и не было так больно. У меня что, отслоение сетчатки?

— Нет!

Легкомыслие в этой жизни не изменить, можно только так, спокойно говорить.

— Тогда в чём дело, у меня даже веки болят! — допытывался Ша Ли.

— Когда пришёл врач, ты лежал на кровати лицом вниз, он, возможно, подумал, что ты сам себя задушил, — сказал Мо Фэй, свободной рукой потирая переносицу, — Посветил тебе фонариком в глаза, проверяя, есть ли ещё признаки жизни.

...

Молчание длилось довольно долго. Ша Ли прижал те несколько пальцев к своей груди:

— Пощупай, бьётся ли ещё моё сердце?

— Хм... — Мо Фэй слабо усмехнулся, без особого интереса, но затем приложил ухо к тому месту, ощущая тук-тук — медленное и ритмичное сердцебиение.

Очень давно родители говорили нам, что пока человек жив, его сердце бьётся. То место, которое гонит кровь по сосудам, является символом жизни и надежды. Обычно оно так спокойно, в повседневных заботах о пище, одежде, жилье и передвижении его не замечаешь, но когда оно оказывается на грани затишья и исчезновения, оно становится самым дорогим сокровищем, которое ты хочешь спасти и защитить.

— Что это за звук? — спросил Ша Ли.

— Бессмысленно!

Мо Фэй выпрямился, высвободил зажатые пальцы. Внезапная потеря температуры и прикосновения, ощущение покалывания воздуха на кончиках пальцев было очень явным.

— Ты куда, босс, ты меня бросаешь? — Ша Ли кричал жеманным и скорбным голосом, слегка приоткрытые глаза изображали слабую и хрупкую сестру Линь.

— Позвать медсестру, чтобы сменила лекарство!

— А можно мне принести мой телефон? — взмолился Ша Ли.

— Как твои глаза ещё не ослепли? — Мо Фэй отбросил всю эту чушь про манеры, выругался и сам вышел из комнаты, спускаясь вниз.

Медсестра и помощник Чжоу Тан уже давно наелись.

Помощник Чжоу Тан разговаривал по телефону с агентом какой-то знаменитости, похоже, одна большая звезда из другой компании раскрыла свою нетрадиционную ориентацию, выложив фото, на котором был как раз тот свежий мясной красавчик, которого сейчас продвигает Т&М. Медсестра, убирая посуду, прислушивалась, наострив уши.

Мо Фэй спустился вниз длинными шагами, и первым делом открыл дверь в ванную комнату на первом этаже. Чжоу Тан мгновенно понял, извиняюще улыбнулся и направился внутрь, закрыв за собой дверь, голос из разговора в гостиной стал почти неслышным.

Медсестра тоже смутилась, почувствовав, что подслушала что-то не то, виновато улыбнулась и поспешно встала у раковины, торопливо включая воду.

Кухонной техникой в собственном доме Мо Фэй почти никогда не пользовался, но сейчас подошёл и кончиком пальца постучал по дверце встроенной посудомоечной машины:

— Сюда!

— О, это... наверное, посудомоечная машина?

Красавец председатель Мо, обладатель тонкой талии и длинных ног, слегка потянул уголки губ в подобие улыбки, что можно было считать утвердительным ответом.

Чжоу Тан, закончив разговор, уже вышел, вытащил из коробки салфеток в гостиной сразу несколько штук, вытирая пот со лба, и, подняв экран телефона, поднёс его к глазам Мо Фэя.

На фото двое красавчиков с блестящими от вожделения глазами, с поджатыми губами прижались уголками ртов друг к другу...

Посмотрев фото, Мо Фэй спокойно спросил:

— Что говорит Цяньюй?

Сказав это, он зашагал наверх.

Помощник Чжоу Тан в этот раз примерно понял, что тот имел в виду — посторонним не

разглашать, и последовал за ним наверх обсуждать контрмеры.

На полпути Мо Фэй остановился и сказал медсестре внизу:

— Иди смени лекарство!

Голос был негромким, ровно такой громкости, чтобы можно было услышать, но без лишних децибел.

Медсестра растерянно произнесла «Ох» и поспешно ещё раз ополоснула руки у раковины, быстрыми шагами поднялась по лестнице, её белые кроссовки застучали по ступенькам.

<http://bllate.org/book/15592/1390205>